

... право писать .))

Julia Cameron

**the right  
to write**

an invitation and initiation  
into the writing life

Джулия Кэмерон

# право писать

приглашение и приобщение  
к писательской жизни



Москва  
2015

УДК 159. 928  
ББК 84 (7Сое)-4+88.454  
К 18

*Все права защищены, включая право на полное  
или частичное воспроизведение в какой бы то ни было форме*

*Издание публикуется с разрешения  
Susan Schulman A Literary Agency, New York*

*Julia Cameron. THE RIGHT TO WRITE.  
An Invitation and Initiation into the Writing Life*

*Перевод с английского Дарьи Сиромахи  
Редактор Шаши Мартынова*

Кэмерон Дж.

К 18 **Право писать. Приглашение и приобщение к писательской жизни /**  
Пер. с англ. Д. Сиромахи. — Москва: Livebook, 2015. — 304 с.

ISBN 978-5-904584-96-2

Пишете вы по любви или за деньги, чтобы сбежать от действительности, заземлиться, настроиться, отстраниться — это занятие может и должно приносить чистое наслаждение. Неважно, хотите ли вы написать главный роман этого века или ведете личный дневник о событиях дня, эта книга вложит перо вам в руку. Для всех пишущих книга Кэмерон станет незаменимым советчиком и, вместо правил орфографии и пунктуации, расскажет про то, как найти в себе слова, завоевать их доверие и выразить на бумаге любые образы, события и чувства.

Как и в предыдущих книгах, Кэмерон предлагает множество увлекательных упражнений и рекомендаций, опробованных ею на практике.

УДК 159. 928  
ББК 84 (7Сое)-4+88.454  
К 18

ISBN 978-5-904584-96-2

© Julia Cameron, 1998  
© Д. Сиромаха, перевод  
на русский язык, 2014  
© Livebook Publishing Ltd, 2014

*Моей пишущей матери,  
Дороти Шей Кэмерон*

# б л а г о д а р н о с т и

Люди, перед которыми я в долгу:

Марк Брайен, семья Кэмеронов, Соня Чокетт, Мишель Эсрик, Ронда Флемминг, Роланд Флинт, Джоэль Фотинос, Натали Голдберг, сестра Джулия Клэр Грин (из ордена Милосердных Сестер Пресвятой Девы Марии), Эрин Гринберг, Дэвид Грофф, Джерард Хэкетт, Артур Кретчмер, Лора Лэдди, Эмма Лайвли, Лэрри Лонерген, Эллен Лонго, Мишель Лоуренс, Джулианна Маккарти, Уильям Макферсон, Джеймс Навэ, Джон Ньюленд, Джон Николз, Уилл Никс, Дэвид Солтз, Сьюзен Шалмен, Доменика Кэмерон Скорсезе, Макс Шоволтер, Роджер Слейки, Марта Хэмилтон Снайдер, Джоанна Тани, Джереми Тарчер, Мартин Торгоф, Эдмунд Тауль, Дори Винелла, Тим Уитер, Ора Райт.

В декабре 1967 года, под мрачным взором горгульи в нише под потолком университетской библиотеки Джорджтауна я наткнулась на строку поэта Теодора Ретке\*. Он писал: «И лишь пустившись в путь, возможно, я пойму, куда же, наконец, идти мне надо»\*\*. Эта фраза точно описывает мою писательскую жизнь.

Я начала писать очень рано и с годами пишу все больше и чаще, осваивая все новые жанры. Мне доводилось заниматься художественной литературой и публицистикой, сценариями, пьесами, поэзией, очерками, критикой, статьями для журналов и газет и даже мюзиклами. Я писала по любви, за деньги, чтобы сбежать от действительности, чтобы заземлиться, настроиться, отстраниться — и вообще ради всего, ради чего только можно писать.

За более чем тридцать лет писательство стало моим неизменным спутником, моим любовником, другом, работой, страстью и всем, что я делаю с собой и с миром, в котором живу. Писательство — мой способ, а иногда и причина жить.

Моя история проста: я просто пишу. В «Праве писать» я попыталась делиться только тем, что знаю, своими наработками, своим путем. Это значит, что в книге не будет того, что мне

---

\* Теодор Хюбнер Ретке (1908–1963) — американский поэт и наставник в писательском мастерстве и стихосложении. Все имена собственные приводятся в соответствии с современными произносительными нормами. — *Здесь и далее примечания редактора, кроме случаев, оговоренных отдельно.*

\*\* Пер. Е. Левиной. — *Примечание переводчика.*

не довелось испытать на себе, как и того, что подробно изложено в других изданиях для писателей.

Эта книга не научит вас писать сопроводительные письма в издательства, искать рынок для своих рукописей или нанимать литературных агентов. Здесь не будет правил орфографии и пунктуации. Михаил Чехов советовал актерам прежде всего работать над собой. Этот совет подходит и писателям.

Писательскую жизнь, нашу жизнь как «писателей», невозможно отделить от жизни в целом. Именно поэтому многие эссе, и в особенности методики «для писателей» в этой книге, на первый взгляд, не имеют отношения к писательству, однако все-таки имеют — да еще какое! Воспринимайте каждую главу как приглашение исследовать определенную тему. И каждую технику — как практическое посвящение в нее же.

Если у меня все получилось, эта книга научит вас писать просто ради того, чтобы писать, ради чистого наслаждения запечатлеть слова на бумаге. Иначе говоря, эта книга не столько о том, *как* писать, а о том, *зачем*.

Так зачем же?

Писать следует потому, что такова природа человека. Так мы заявляем свое право на личную вселенную. Писать следует потому, что люди — духовные существа, а писательство — мощная разновидность молитвы и медитации, помогающая глубже понять самих себя, а также установить связь с более высоким и глубоким источником внутренней мудрости.

Следует писать, потому что это прибавляет ясности и страсти проживаемой жизни. Это чувственный, практический, заземляющий опыт. Писать следует потому, что это полезно душе. Писательство накапливает наше наследие, пролагает осязаемый путь в этом мире.

Но прежде всего писать следует потому, что мы — писатели, независимо от того, считаем ли мы себя ими или нет. Право писать — наше неотъемлемое право, духовное приданое, что дает



ключи от королевства. Высшие силы говорят с нами, когда мы пишем. Зовите их вдохновением, музами, ангелами, Богом, интуицией, наставлением или просто хорошей байкой — как ни поименуй, они объединяют нас с чем-то бóльшим, чем мы сами, прибавляют сил и оптимизма.

Надеюсь, эта книга поможет развеять некоторые мифы отрицания, связанные в современной культуре с жизнью пишущего человека. Я считаю такую жизнь утверждающей себя, вдохновляющей, духовно наполненной — и вполне осуществимой. Стало быть, эта книга — своего рода практикум, в котором мы рассмотрим общие для всех препятствия и простые способы справляться с ними, общие трудности и способы их преодолеть, камни преткновения и обходные пути. По моему опыту, жизнь пишущего человека проста, она помогает поверить в себя и в собственные силы.

Эта книга — болевщик для тех, кто примеривается к писательству, спутник тем, кто уже пишет, и благодарность моим собственным текстам за ту жизнь, которую они мне подарили. Надеюсь, эта книга поможет исцелить сломленных писателей, воодушевить робких и соблазнить тех, кто замер у кромки воды, но все-таки желает войти в реку.

Есть у меня греза. Жемчужные ворота. Святой Петр извлекает анкету и задает мне Главный Вопрос:

- За какие заслуги тебя впустить?
- Я убеждала людей писать, — отвечаю я.

И врата распахиваются предо мной.

## начните

Я сижу за небольшим сосновым столом лицом на восток, где виднеются холмы Сангре де Кристо. Еще мне видно поилку для лошадей, куда налить бы воды, белый забор с голубыми, как яйца дрозда, воротами, терракотовую птичью купальню с отбитыми декоративными фигурками, заросший огород, поваленное набок ведро и моего маленького пса Максвелла, что нежится в лучах раннего весеннего солнца, словно оптимистичный пляжник в прохладный день. Когда на дворе потеплеет и желтый шланг оттает, налью воды лошадям. Когда согреюсь я — расскажу вам, что знаю о том, как позволить себе писать.

Первая уловка — и сию секунду я ее и применяю — это просто начать прямо с того места, где вы сейчас. Настроение писать — роскошь. Это благословение, но не необходимость. Писать — как дышать: можно совершенствоваться, но вся штука в том, чтобы заниматься этим несмотря ни на что.

Писать — как дышать. Я верю в это. Я верю, что все мы приходим в эту жизнь писателями. У всех нас есть врожденная способность к языку, и мы пользуемся ею уже через несколько месяцев после рождения, когда начинаем именовать свой мир. Мы все переживаем чувство обладания и удовлетворенности, называя увиденные предметы. Слова дают нам силы.

Еще малышами мы сначала учимся хватать предметы, а потом «схватываем» и слова. Каждое выученное слово — приобретение, маленький самородок, которым мы богатеем. Хватаемся за новое слово и повторяем его не раз и не два, играем с ним, будто с золотым слитком в лучах света. Еще детьми мы копим слова — с жадностью и восхищением. Слова — наша собственность: называя мир, мы присваиваем его.

Детями мы запоминаем новые слова с невероятной скоростью. Они делают нас влиятельнее: «Я с мамой!» или «Мама, стой!» Дети прямолинейны и недвусмысленны. Они не церемонятся. Их слова искренни и вески. В них слышны решимость и упорство. Пыл и целеустремленность. Дети доверяют силе слов.

Если слова дают нам силу, когда мы начинаем ее терять? Когда мы впервые предполагаем, что кое-кто «умеет обращаться с языком» и может позволить себе пробу пера, а остальные лишь применяют речь в быту, но не осмеливаются причислить себя к «писателям»?

Мне кажется, для многих эта сортировка происходит в школе. Именно там нам говорят: «У тебя склонность к языкам...» То самое примечание, написанное по диагонали ровным учительским почерком в верхнем углу реферата по географии Скандинавии: «Хорошо написано».

Хорошо написано — что это значит? В школе это обычно означает стройное, ясное мышление. Приличная грамматика. Обилие упорядоченных фактов. Может означать и то, чему нас учат — «тематическим предложениям» и «переходам». Часто это не о словах, что льются, как песня, не о новаторских словосочетаниях,

не об абзацах прекрасных свободных ассоциаций и авторских отступлений — юный писатель или поэт хотел и мог бы применить подобные таланты, но что за прок от них в прилежании и строгости научной работы?

Что происходит, когда подобные приемы используются в школьных работах? Слишком часто на полях снова появляется пометка учителя, на сей раз — осуждающая: «Уходишь от темы» или «Пиши по существу». Редкий учитель способен найти время и желание похвалить тексты, не соответствующие образовательным требованиям. Нам будто приходится сидеть на учебной диете: «Не перебарщиваем с перцем».

Поменьше перца. Поменьше пыла. И, уж пожалуйста, поменьше человеческого. Чтобы соответствовать общеобразовательным нормам, нам приходится довольствоваться пешеходным текстом без характера и страсти, и даже слегка высокопарным тоном, словно писать допустимо только из самых возвышенных побуждений, и на бумагу просачивается лишь выжимка здравомыслия.

Есть места и обстоятельства, в которых писательство запрещено, и тогда оно выходит на первый план. В тюрьмах послания царапают на стенах и на земле. На необитаемых островах их закупоривают в бутылки и бросают в море. Когда обмен информацией становится невозможным, человеческая воля к общению берет верх, и люди ради него рискуют здоровьем и жизнью.

Это естественно.

В современной культуре происходит нечто гораздо менее естественное. Писательство не запрещают — его не поощряют. За нас это делает «Холлмарк»\*. Мы покупаем открытки, наиболее близкие по смыслу к тому, что хотели бы сказать сами. В школах нас муштруют выражать свои мысли, уделяя основное внимание орфографии, тематическим предложениям и последовательному

---

\* «Холлмарк Кардз» (с 1910 г.) — крупнейший американский производитель поздравительных открыток.

изложению, и логика принимает на себя командование, а чувства посажены на короткую сворку. Написание текста превращается в античеловечную деятельность. Мы без конца редактируем, удаляя подробности, которые могут оказаться неуместными. И привыкаем к сомнениям и самокритике там, где должно быть самовыражение.

В итоге мы стараемся писать чересчур осмотрительно. Слишком «правильно». Стараемся выглядеть умно. Стараемся, точка. Писать гораздо проще, если не прикладывать столько усилий. Если разрешить себе прохладиться на странице. Для меня писательство уютно, как ладная пижама. В современной культуре этот процесс скорее напоминает военное обмундирование. Мы строим предложения — в шеренги, как послушных детей в частной школе.

Сожгите школу дотла. Оставьте, пожалуй, книги, но уговорите учителя поведать вам подлинные тайны — что он пишет и читает тайком, ради предосудительного удовольствия? Предосудительное удовольствие и есть суть писательства. Она — в притягательности слов, перед которыми вы не в силах устоять, описывая что-нибудь интересное. И забудьте о возвышенных побуждениях.

Я не пишу из возвышенных побуждений — и никогда этого не делала. В шестом классе я написала свою первую серию (очень) коротких рассказов с одной-единственной целью — привлечь внимание Питера Мунди, новичка в нашей школе Святого Иосифа, из класса миссис Клопш. Он переехал на север из штата Миссури. У него был южный акцент и каштановые, как банка гречишного меда, волосы. Голос у него был налит той же сладостью, что и внешность. Мне хотелось к нему в подружки. Мне хотелось, чтобы он меня заметил. И я собралась охмурить его написанием рассказов.

Двадцать лет спустя, уже после того, как он пригласил на свидание не меня, а Пегги Конрой, Питер признался, что мои рассказы тогда пленили его сердце: «Просто я струсил».

Может, Питер и струсил, но, преследуя его с бумагой и ручкой, я обрела нечто большее — я ощутила пьянящий вкус погони за словами.

Писать — все равно что ехать по асфальтированной сельской дороге в жаркий летний день. На горизонте подрагивает мерцающее волшебное пятно. Ты стремишься к нему. Набираешь скорость, чтобы добраться до него поскорее, но стоит приблизиться — оно исчезает. Подняв взгляд, снова видишь его вдали. Наверное, кто-то счел бы это неразделенной любовью или неудовлетворенностью. Но мне кажется, писать — штука получше.

Я считаю это предвкушением. Упоением. Как ощутить вкус отличной трапезы, лишь почуяв ее аромат. Чтобы любить свежеспеченный хлеб, не обязательно его есть. Его запах почти столь же прекрасен и приносит не меньшее удовлетворение, чем толстый ломоть с маслом и домашним абрикосовым вареньем.

Мозг человека обожает писать. Ему нравится давать явлениям названия, находить ассоциации и отличия. Подбирать слова — как выбирать яблоки: вот это, похоже, вкуснейшее.



Писать, выискивая подходящие сочетания, — чистый трепет и восторг, как натягивание тетивы. И попасть «в яблочко» — сформулировать предложение, точно описывающее то самое мерцающее пятно над дорогой, стоит сил, вложенных в погоню, однако и сама погоня, и увиденное боковым зрением на пути — тоже кое-чего стоят. Мне нравится писать хорошо, однако еще больше мне нравится просто писать — и точка.

Когда я бралась за эту главу, небо было голубым и безоблачным. Сейчас, когда я ее заканчиваю, погода переменилась. Плотные темные тучи плюются капризным дождем. Ветер налетает жесткими порывами, благоухающими весной. Теперь не придется наполнять лошадям поилку. Дождь прекрасно справляется сам.

Малыш Максвелл вернулся в дом и свернулся калачиком у моих ног. Этот день, как и эта глава, начался одним, а заканчивается совсем другим.

Кабир пишет: «Думал я, что правда — на краю земли, а она повсюду, где бы мы ни шли»\*, — и к писательству это тоже относится. Где бы ни был, ты всегда там, где должен быть. Вовсе не обязательно сначала что-то в себе исправлять, перешнуровывать душу и начинать на высоте. Начинайте там, где вы есть.

Предоставленное себе, писательство — как погода. В нем есть и острота, и форма, и сила, создающие образ дня. Как проливной дождь очищает воздух, так и годный писательский день очищает душу. Просто позволить себе писать — это как-то очень правильно. И чтобы сделать это, нужно лишь начать — прямо оттуда, где вы сейчас.

## способ приобщения

Этот метод столкнет вас на воду. Возьмите три листа бумаги формата А4 в широкую школьную линейку. Начните сверху первой страницы и напишите три страницы о том, что чувствуете и о чем думаете прямо сейчас. Принимайтесь за дело — с того, что происходит с вами физически, эмоционально и психологически. Пишите о чем угодно — обо всем, что приходит в голову.

Это упражнение в свободной форме. Его невозможно сделать неправильно. Будьте мелочным, критичным, плаксивым, испуганным. Будьте восторженным, безрассудным, обеспокоенным, счастливым. Будьте таким и тем, какой и кто вы в сей миг. Поймайте струю. Ощутите поток своих мыслей и порывов. Продолжайте водить рукой по бумаге и оттягивайтесь напропалую. Дописав три страницы, остановитесь.

---

\* Пер. С. Липкина. — *Прим. перев.*

# дайте себе писать

Наши представления о писательской жизни обильно обложены чепухой. Нам отчего-то кажется, что выразить мысли на бумаге — целое дело, не то что попросту распылять их в воздух. Бытуют мифы, будто писать — мучительное занятие. Мы им верим и даже не беремся, а если все-таки пытаемся, и оказывается, что это легко и просто, мы останавливаемся, замираем и убеждаем себя, что у того, чем мы занимаемся, с «настоящим» писательством нет ничего общего.

Под настоящим писательством мы подразумеваем ту самую разновидность, что овеяна мифами. Которая не предполагает такого вечера, какой сегодня сложился у меня: мы поужинали с подругой Дори, потом посмотрели «Почтальона»\*, я проводила

---

\* «Il postino» (1994) — фильм реж. Майкла Рэдфорда по роману Антонио Скарметы.



ее, когда было еще совсем не поздно, и направились в кабинет, чтобы немного пописать, а щенок Максвелл пусть лежит уютным клубком у ног.

В такой жизни писателя есть нечто слишком повседневное, непринужденное, слишком обыденное. Мы живем почти так же, как и все остальные, только перемежаем наше житье писательством. Ну да, если писатели живут именно так, многим из нас это по плечу. Если в страданиях нет необходимости, и для того, чтобы писать, вовсе не нужно замыкаться в себе...

А что, если писателей вообще не существовало бы? Если бы все просто писали? Если не нужно было бы стремиться стать «настоящим писателем»? Если бы писательство было самодостаточным?

Если бы не нужно было беспокоиться об издании и критике, сколь многие могли бы сочинить роман просто потому, что это в радость? Почему нам кажется, что на роман замахиваться нельзя — как начинающему плотнику браться за простой книжный шкаф или садовый стол. А если бы не требовалось писать хорошо? Если писать можно было бы просто для удовольствия?

А если относиться к писательству как к сплаву по бурной реке? Как к чему-то, что можно попробовать, просто ради щенячьего восторга пройти стремнину творческого процесса. Если позволить себе быть любителем — от слова *любить*? Если прекратить убеждать себя в необходимости добиваться признания, очень многим понравилось бы писать. Хотя в привычных нам мифах редко об этом говорится, писать — потеха.

Когда люди берутся писать, обычно это делается не для того, чтобы писать, а чтобы «стать писателем». Подлинное значение этой фразы окутано тайнами, мистикой и откровенной чепухой.

А суть вот в чем: для того, чтобы стать писателем, достаточно просто писать, но об этом почему-то забывают. Наоборот — мы придумываем, что «настоящих писателей издают» или «настоящие писатели зарабатывают писательством на жизнь».

В некотором смысле мы утверждаем, что «настоящие писатели получают подтверждение от других в том, что они писатели. В их паспорте стоит писательский штамп. Изданы в \_\_\_\_\_. Про них пишут в \_\_\_\_\_».

С эдакой мифологией, да с озабоченностью результатом, а не процессом, разве удивительно, что начинающего писателя сковывает беспокойством? Даже острые на язык сомневаются в остроте своего пера. Чистая страница кажется им незаполненным чеком, куда предполагается вписать сумму, на порядок превышающую, как им кажется, их талант.

«Мне бы хотелось быть писателем. Просто недано», — говорили мне люди, чей языковой дар приметен, как неоновая вывеска.

«Говорить я умею, а вот писать, хоть убей, нет», — это я тоже слышу довольно часто. С чего мы взяли, что запечатлевать буквы на бумаге так опасно и трудно?

Нередко случается вот что: при попытке перейти на бумагу привычную текучесть устной речи вдруг сменяет оцепенение. Каждое слово становится обязательством, предметом дотошной самокритики и самокопаний. При виде чистого листа нам кажется, что все серьезно. Привычно звучащие слова вдруг смотрятся подозрительно. Забыв, что такое «черновик», мы хотим производить на свет одни лишь ограненные самоцветы. Здесь нет места ошибкам, просторечиям, очаровательным иносказаниям. Тут же включается образование и всё те же требования к хорошему сочинению: тематические предложения, порядок...

Большинство думает, что не умеет писать. Нам кажется, что этим занимается кто-то другой — «писатели». И даже если у вас все же обнаруживается прилежность новичка и страсть любителя, этот титул вы все равно приберегаете для «настоящих писателей». Таких, которые умеют «построить» предложения, будто роту солдат, и заставить их маршировать логичными абзацами, как войска при высадке в Нормандии — блистательными волнами, одна за другой.

Нет в этом никакой необходимости.

Если убрать слово «писатель» и вернуться к тому, чтобы просто прислушиваться и записывать, что слышим, любые правила исчезают. У того, за чем мы наблюдаем, к чему прислушиваемся, чтобы передать на бумаге, есть природный образ, форма, перетекающая в форму. И если слушать внимательно, нам откроются его особые правила. Образ не нужно навязывать. Образ — часть того, что мы слышим. Если просто дать себе писать, все получится «как надо».

## способ приобщения

Этот метод расчищает баррикады между вами и чистой страницей. Выделите полчаса. Отправьтесь в кафе с писчей бумагой. Закажите себе чашку кофе, чая, стакан газировки или минералки. Выполните следующее задание.

### Шаг первый:

Каковы ваши скрытые ассоциации со словом «писатель»? Заполните следующие поля как можно быстрее:

Писатели — \_\_\_\_\_

Писатели — \_\_\_\_\_

Писатели — \_\_\_\_\_

Писатели — \_\_\_\_\_

Писатели — \_\_\_\_\_

Писатели — \_\_\_\_\_

Писатели — \_\_\_\_\_

Писатели — \_\_\_\_\_

Писатели — \_\_\_\_\_

Писатели — \_\_\_\_\_

## Шаг второй:

Превратите отрицательные ассоциации в положительные утверждения. Например, «писатели всегда на мели» превращается в «писатели платежеспособны». «Писатели безумны» в «писатели мыслят здраво». «Писатели — одиночки» в «у писателей хорошие друзья». Всю последующую неделю выписывайте положительные утверждения по пять раз в день.

# дайте себе слушать

Самое простое и умное из всего, что мне довелось узнать о писательстве, — важность умения ориентироваться в пространстве. Писать — значит выкладывать что-то вовне, а не закукливаться внутри. Когда пытаюсь «выдумать что-то из головы», приходится до чего-то дотягиваться, достигать. Писательство делается столь возвышенным, что его и не ухватить. Когда пытаюсь что-то выдумать, я силюсь. А когда, напротив, сосредоточиваюсь на том, чтобы просто записывать, ощущаю внимательность, а не напряжение.

Иными словами, это искусство писать под диктовку, а не диктовать самому. Вникая, я просто записываю все, что слышу, моя задача — не порождать поток идей, а лишь записывать его. Когда же писать бывает трудно — это потому, что я пытаюсь говорить на бумаге, а не слушать.

Когда же мы начинаем писать, слушая, а не разговаривая, рождаются тексты, в которых гораздо меньше эго. Вместо того чтобы сомневаться в себе и в написанных мною строках, я изумляюсь и восхищаюсь строкам, которые попросились на бумагу сами. И писать — уже не проповедовать, а откровенничать. Это верно для писателей, позволяющих тексту проходить сквозь себя. Мы, писатели, как и любой читатель, предвкушаем, что же будет дальше.

Когда писательство сводится к важности того, о чем мы желаем поведать миру, в текст проникают сомнения, «врубится» ли читатель — ну то есть увидит ли, насколько мы гениальны. Если же просто записывать мысли по мере их появления, беспокоиться приходится скорее о точности, чем о гениальности. Насколько внимательно мы готовы слушать? Какую долю власти готовы уступить, чтобы позволить творчеству двигаться сквозь нас, вместо того, чтобы подхлестывать его к нашим собственным целям?

Мы можем «измыслить» сюжет, а можем «записать его». Можем думать, «о чем бы написать» — а можем писать то, о чем, так уж вышло, сейчас думаем. Можем требовать от себя писать хорошо, а можем смириться с тем, чтобы писать, как пишется — хорошо, плохо или вообще как попало.

Многие согласны только на то, чтобы писать хорошо, вот почему им так тяжело писать вообще. Мы требуем от себя слишком многого: выразить кому-то свои мысли и при этом еще и произвести впечатление. Не удивительно ли, что наша проза прогибается под тяжестью этих двух задач?

Из всех высказывавшихся о ремесле писателей Генри Миллер показался мне самым честным, он меньше всех прочих лил воду на свою мельницу и не делал из себя легенду. Миллер советовал: «Развивайте интерес к жизни, которую видите — в людях, предметах, литературе, музыке. Мир столь богат, просто переполнен несметными сокровищами, прекрасными душами и интересными людьми. Забудьте о себе».

Когда «забываем о себе», писать легко. Нам уже не приходится замирать по стойке «смирно», когда каждое местоимение «я» пропитано нашим эго. Стоит нам забыть о себе, выбросить из головы «хорошего писателя» и довольствоваться тем, чтобы быть просто писателем, как приходит опыт писательства как некоего движения сквозь нас. Мы отказываемся от роли самокритичного автора и становимся чем-то еще — проводниками самовыражения. Когда мы — всего лишь проводники, рассказчики, а не смысл истории, мы обычно пишем очень хорошо — и уж точно дается это легче.

## способ приобщения

Этот метод поможет вам расслабиться и прекратить относиться к писательству так серьезно, что аж страшно.

Представьте себе, что сидите под большим деревом, прислонившись спиной к стволу. С другой стороны под деревом сидит Сказитель. Возьмите лист бумаги и пронумеруйте строки от одного до пяти. Поведайте Сказителю, какие пять историй хотели бы услышать.